

МАРИССА МЕЙЕР

OTCTy

МАРИССА МЕЙЕР

ПНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М45

Marissa Meyer
RENEGADES

Впервые опубликовано *Fiewel and Friends*
и *Macmillan Children's Publishing Group*

Печатается с разрешения литературных агентств
Jill Grinberg Literary Management, LLC
и *The Van Lear Agency LLC*

Дизайн обложки Яны Паламарчук

Мейер, Марисса.

М45 Отступники / Марисса Мейер ; пер. с англ.
Е. Мигуновой. – Москва : Издательство АСТ,
2019. – 608 с.

ISBN 978-5-17-983317-8

Люди со сверхспособностями появились на руинах разрушенного общества и установили мир и порядок там, где прежде царил хаос. Они стали защитниками справедливости, символом надежды и мужества для всех... Кроме тех, кого они свергли. Это история новых Ромео и Джульетты в мире, населенном новыми супергероями. Каждый из них что-то скрывает. У каждого есть своя тайная цель.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-983317-8

Copyright © 2017 by Rampion Books, Inc.
©Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается Джеффри,
первому герою, с которым я повстречалась.*

(начала все мы были преступниками.

На протяжении столетий обычные люди страшились нас, Одаренных. На нас охотились. Нас истязали. Унижали и притесняли. Нас считали ведьмами и демонами, называли уродами и скверной. Нас забрасывали камнями, вешали и сжигали, и безжалостные толпы собирались поглазеть на это, гордые, что в очередной раз сумели избавить мир от выродка.

Они боялись — и правильно делали.

На протяжении столетий. Кто бы выдержал такое?

Все изменил Ас Анархия. Он собрал и объединил самых сильных Одаренных, каких только мог найти, и поднял их на бунт.

Начал он с материальных объектов. Правительственные здания взлетали на воздух. Банки и биржи обращались в руины. Мосты он уничтожал с воздуха. Целые автострады превращал в каменистые пустоши. Армия поднимала в воздух реактивные самолеты — он сбивал их в воздухе, как мошек. Посланные против него танки он давил, как жестянки.

Потом он принялся за людей, которые его разочаровали. Которые разочаровали их всех.

Целые правительства — долой. Правоохранительные органы — разогнать. Все пафосные бюрократы и чинуши, купившие себе власть и влияние... все были мертвы — в считанные недели.

Восставших мало волновало, что придет на смену, когда старый мир погибнет. Их цель — только перемены, и они своей цели добились. Вскоре на руины старого мира повылезли шайки преступников, и каждый негодяй норовил урвать кусок власти и могущества. Вскоре влияние Аса Анархии начало распространяться по всему миру. Впервые в истории Одаренные сбивались в банды, одни были полны озлобления и ненависти, другие просто искали доброго отношения к себе, но так его и не дождались. Восставшие требовали справедливости, соблюдения прав человека, охраны законом — и перепуганные правительства некоторых стран торопливо шли на уступки.

Но в других странах мятежи становились все более жестокими, а насилие перерастало в анархию.

Воцарившийся хаос заполнял пустоту, возникшую на месте цивилизованного общества. Торговля была в упадке, производство практически развалилось. На всех континентах бушевали гражданские войны. Город Гатлон был почти полностью отрезан от мира, и долгие двадцать лет страх и недоверие правили в нем.

Это время называли Веком Анархии.

Сейчас, оглядываясь назад, люди говорят, что Анархисты и другие подобные им банды были самым худшим в те двадцать лет. Но это не так. Конечно, все их боялись, все были запуганы, но, как правило, они никого не трогали, лишь бы вы вовремя платили дань и не причиняли им беспокойства.

Иное дело люди. *Нормальные* люди. Эти были намного хуже. Без законов и порядков каждый — мужчина, женщина, ребенок — был сам за себя.

Преступления и насилие оставались безнаказанными — не к кому было бежать за помощью, если вас избili или ограбили. Ни полиции. Ни судов и тюрем. По крайней мере, законных. Сосед крал у соседа. Громили магазины, разворовывали припасы, не заботясь о том, что в канавах голодают дети. Сильные брали верх над слабыми, а сильные (так бывает почти всегда) нередко оказываются дрянными людишками.

В такие времена человечество теряет веру. Не с кого брать пример, не на кого положиться, мы все стали крысами в канализации.

Возможно, Ас и правда был злодеем. Или, может быть, пророком.

Не исключено, что это почти одно и то же.

Так или иначе, но он и его Анархисты двадцать лет правили Гатлоном, и преступления и пороки были ключом, как нечистоты из засорившейся трубы. И Век Анархии мог затянуться еще на двадцать лет. На пятьдесят. Навсегда.

Но вдруг, будто совсем внезапно... забрезжила надежда.

Яркая и искрящаяся надежда, облаченная в капюшоны и маски.

Прекрасная и радостная надежда, обещавшая покончить со всеми бедами, исправить все мировое зло, обрушить всю силу правосудия на ваших недругов, а попутно еще и сделать строгое внушение пешеходу, нарушившему правила.

Горячая, многообещающая надежда, вдохновляющая нормальных людей на то, чтобы сидеть по домам в безопасности, пока здесь все не исправят. Не переживайте и не пытайтесь помочь себе сами. Вы и так натерпелись, прячьтесь и страдайте. Отдохните. Мы супергерои. Мы берем это на себя.

И у надежды появилось имя — Отступники.

ПРОЛОГ

Нова уже несколько недель собирала шприцы в узком переулке за их домом. Она знала, что родители их отнимут, если найдут, поэтому прятала свои сокровища в старую обувную коробку, вместе с отвертками, хомутиками, ватными шариками — словом, всем тем, что могло пригодиться для ее поделок. В свои шесть (хотя на вид ей можно было дать все семь!) лет Нова уже понимала, как важно быть изобретательной и запасливой. В конце концов, не может же она составить список необходимого и отправить папу с ним в магазин.

Шприцы ей пригодятся. Она с самого начала поняла, какая это полезная штука.

Нова закрепила на носике одного шприца тонкую пластиковую трубочку и опустила ее другой конец в стакан с водой из умывальника. Потянув за поршень, она набрала воды в шприц. Высунув язык в дырочку на месте недавно выпавшего зуба, девочка подхватила второй шприц и прикрепила к другому концу трубки, а потом, порывшись в коробке с инструментами, выудила кусок проволоки. Им вполне можно примотать шприцы к системе ры-

чагов, которые Нова смастерила на крыше своего кукольного дома.

Работа заняла весь день, но теперь, наконец, можно приступить к испытаниям.

Поставив кое-какую кукольную мебель на платформу подъемника, она нажала на поршень шприца. Вода побежала по трубке и выдавила второй поршень, приведя в движение сложную систему рычагов.

Платформа стала подниматься.

Нова улыбнулась.

— Гидравлический лифт. *Успех.*

В этот момент из соседней комнаты раздался плач, а за ним успокаивающий, баюкающий мамин голос. Нова оглянулась на закрытую дверь в спальню. Эви опять болела. У нее все время поднималась температура, а лекарство уже несколько дней как кончилось. Дядя Алек должен принести его, но когда? Может, только через несколько часов.

Услышав, что папа просит дядю Алека найти для Эви детский ибупрофен, Нова подумала было заикнуться о фруктовой жвачке (он дарил ей такую на прошлый день рождения) или пачке перезаряжаемых батареек.

С такими батарейками Нова много что смогла бы сделать.

Но папа, по выражению глаз поняв, что дочь собирается что-то попросить, так посмотрел на нее, что она притихла. Нова не совсем понимала, в чем тут дело. Дядя Алек всегда был к ним добр — приносил еду и одежду, а иногда даже игрушки, добытые за неделю — но родители никогда не просили его сами, даже если очень сильно в чем-то нуждались. Если им нужно было что-то определенное, приходилось отправляться на рынок и выменивать, чаще всего на вещицы, которые делал папа.

В последний раз из такого похода папа вернулся с упаковкой многоразовых подгузников для Эви и рассеченной бровью. Мама сама зашивала ему рану. Нова наблюдала и невольно удивлялась: когда ее Медвежонок Долли порвался по шву, мама шила в точности так же.

Нова вернулась к своей гидравлической системе. Лифт чуть-чуть не дотягивал до второго этажа кукольного дома. Если бы она могла увеличить объем шприца... а можно подрегулировать систему рычагов...

Но плач продолжался и продолжался. Полы скрипели — это родители по очереди пытались убаюкать Эви, расхаживая с ней по квартире.

Скоро соседи начнут жаловаться.

Со вздохом отложив шприц, Нова встала.

Папа был в гостиной, он качал и подбрасывал Эви, одновременно пытаясь приложить влажную махровую салфетку к ее пылающему лбу. Через открытую дверь Нова увидела, как на крохотной кухоньке мама копается в шкафах, бормоча, что куда-то засунула яблочный сок — хотя все отлично знали, что никакого сока нет.

— Хочешь, я помогу? — спросила Нова.

Папа обернулся, глаза у него были мутными от усталости. Эви совсем зашлась криком, потому что ее не подбрасывали целых две секунды.

— Прости, Нова, — заговорил папа, качая ребенка. — Несправедливо просить тебя об этом... но если б она поспала хоть час-другой... ей обязательно нужно отдохнуть, а к этому времени, смотришь, и Алек подрос бы.

— Мне не трудно, — сказала Нова, протягивая к малышке руки. — Совсем.

Папа нахмурился. Иногда Нове казалось, что ее дар ему не нравится, хотя она не могла понять,

почему. Ничего плохого она ведь не делала, зато в квартире становилось тише.

Нагнувшись, отец бережно положил Эви на руки Нове и проверил, крепко ли она держит. Сестренка становилась все тяжелее — никакого сравнения с крошечным младенчиком, каким она была год назад. Теперь у нее были крепкие ножки, она молотила по воздуху пухлыми ручонками. Родители повторяли, что со дня на день Эви пойдет.

Нова присела на матрас родителей в углу комнаты и пальцами начала гладить шелковистые кудряшки Эви. Девочка докричалась до того, что по щекам у нее катились крупные слезы, а лоб был горячий, как натопленная печка.

Нова обложила одеялами и подушками так, чтобы обеим было удобно, и большим пальцем стерла слезинки со щеки у сестры. Она позволила силе свободно течь сквозь себя. Легкое, нежное биение.

Плач прекратился.

Глаза Эви затуманились, веки потяжелели, ротик приоткрылся.

Вот и все, она уже спала.

Подняв голову, Нова заметила облегченный вздох отца. В дверях показалась мама, удивленная и обрадованная — пока не увидела, как Нова прижимает к себе малышку.

— Больше всего люблю вот так, — прошептала им Нова. — Когда она такая уютная, и... тихая.

Мамино лицо разгладилось.

— Спасибо, Нова. Надеюсь, когда она проснется, ей станет полегче.

— И нам не придется искать себе другую квартиру, — пробормотал папа. — Чарли выгонял жильцов и за меньшие провинности, чем плачущий ребенок.

Мама потрясла головой.

— Он не станет так рисковать, побоится рассердить твоего брата.

— Не знаю, — папа нахмурился. — Я больше не знаю, кто и что станет или не станет делать... Кроме того... мы и так уже много должны Алеку, и я не хочу, чтобы наш долг увеличился еще больше.

Мама ушла на кухню и принялась убирать пачки и банки, которые раскидала по полу, а папа подсел к единственному в квартире столу. Нова наблюдала, как он массировал виски, потом выпрямился и начал работать. Он задумал что-то новое. Нова не знала, что это будет, но ей нравилось смотреть, как работает отец. Его дар был намного интереснее ее собственного — он вытягивал нити энергии прямо из воздуха, соединял их и придавал форму, будто плел кружево из тончайшей золотой проволоки.

Это было очень красиво. Нову завораживало это зрелище — светящиеся волокна словно возникали из пустоты, воздух в комнате тихо гудел и вибрировал, но потом все стихало, постепенно гасло сияние, а в руках у отца, постепенно темнея, оставалось нечто осязаемое.

— Что ты делаешь, папочка?

Отец мельком взглянул на нее, и по его лицу будто пробежала тень. Это не укрылось от Новы, хоть он и улыбался ей ласково.

— Сам пока не знаю, — он говорил, а пальцы продолжали перебирать тончайшие металлические нити. — Но надеюсь, что так мне удастся хоть отчасти исправить тот ущерб, который я причинил этому миру.

Отец вздохнул так шумно, что это заставило Нову неодобрительно нахмуриться. Девочка понимала: есть вещи, о которых родители с ней не говорят, что-то дурное или печальное, от чего они пытаются ее оградить. Это ее сердило. Иной раз удавалось

подслушать их разговоры, долгими ночами, думая, что дочка спит, они могли обронить словечко-другое. Тогда они шептались о разрушенных зданиях и целых кварталах, спаленных дотла. Они приглушенно говорили о борьбе за власть и о том, что некуда спрятаться и опасности подстерегают повсюду, и о том, что из города можно было бы бежать, но насилие, кажется, захватило весь мир, и податься им некуда.

Всего неделю назад Нова услышала, как мама говорит: *«Он разрушит весь мир, если никто его не остановит...»*

Нова тогда хотела расспросить об этом, но знала, что получит в ответ расплывчатые отговорки, грустные улыбки, да уверения в том, что ей не о чем беспокоиться.

— Папочка? — начала она снова, понаблюдав за его работой. — У нас ведь все будет хорошо?

Призрачный медно-красный сгусток энергии вздрогнул и растворился в воздухе. Подавив вздох, отец поднял голову.

— Конечно, солнышко. У нас все будет прекрасно.

— Почему же у тебя всегда такой озабоченный вид?

Отложив работу, он откинулся на спинку стула, помассировал веки. На миг ей показалось, что отец вот-вот заплачет, но он открыл глаза, и все прошло.

— Послушай, Нова, — отец встал со стула и присел перед ней на корточки. — В этом мире много опасных людей. Но в нем много и хороших людей. Смелых. Как бы плохо ни шли дела, надо об этом всегда помнить. Пока в этом мире есть герои, у нас есть надежда, что завтра будет лучше, чем вчера.

— Отступники, — прошептала она с замиранием. Лицо отца осветила слабая улыбка.

— Отступники, — подтвердил он, кивая.